

- Челябинск, 1957. С.118; Народное хозяйство Чкаловской области. Стат. сб. Чкалов, 1957. С.111; Народное хозяйство Пермской области. Стат. сб. Пермь, 1957. С.147; Народное хозяйство Свердловской области и г. Свердловска. Стат. сб. Свердловск, 1956. С.123; Народное хозяйство Челябинской области и г. Челябинска. Стат. сб. Челябинск, 1957. С.129; Народное хозяйство и культурное строительство Башкирии. Стат. сб. Уфа, 1964. С.215, 216; Народное хозяйство Удмуртской АССР за 60 лет. Стат. сб. Ижевск, 1980. С.87.
- 5 Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны... С.16.
 - 6 Дементьев Б.П. Идеологическая работа партийных организаций Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. С.121, 122.
 - 7 Советские немцы: история и современность. М., 1990. С.22, 23, 180, 282, 283.
 - 8 Именно таким путем пошлi в ряды солдат будущие Герои Советского Союза Матросов, Бреусов, Отставнов, Сержантов, Ефимов и др.
 - 9 Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны... С.25; Смыкалин А.С. Пенитенциарная система страны в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне... С.117.
 - 10 Мотревич В.П. Иностранцы граждане на Урале в 40-е годы // Урал в Великой Отечественной войне... С.98, 99.
 - 11 Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Екатеринбург, 1993. С.23.

*Суржикова Н.В.
(Екатеринбург)*

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ: К ИСТОРИИ ОСОБОРЕЖИМНОГО ЛАГЕРЯ № 476 МВД СССР (1949–1956 гг.)

С 1946 г. по 1950 г. в исполнение международных договоренностей основная часть военнопленных Второй мировой войны, находившихся в СССР, была освобождена и отправлена на родину. Согласно итоговому докладу МВД СССР, подготовленному по случаю завершения репатриации, в этот период СССР покинуло 3344696 военнопленных бывших вражеских армий¹. В лагерях и тюрьмах Советского Союза остались несколько десятков тысяч военнопленных иностранных армий, осужденных советскими органами юстиции за совершенные ими во время войны или уже в период плена преступления. Точные данные об их количестве до сих пор отсутствуют, несмотря на всплеск интереса к проблемам военного плена в последнее время. Имеющиеся сведе-

ния банка данных компьютерного учета РГВА дают такие примерные цифры: среди осужденных в СССР как за военные, так и за бытовые преступления, было: немцев – 32348 чел., австрийцев – 477 чел., в том числе дважды и трижды осужденные².

Отметим, что до 1948 г. в соответствии с директивой МВД СССР № 219 от 31 августа 1946 г. военнопленные, осужденные за преступления, совершенные на территории СССР, отбывали сроки наказания в Воркутлаге (Воркута), Сиблаге (Красноярск), Карлаге (Караганда), а также в Томском, Норильском и Поньшском (Пермская область) лагерях МВД³. Во исполнение распоряжения МВД СССР № 731 от 21 ноября 1947 г. все осужденные пленные и интернированные были отправлены в Воркутлаг МВД СССР⁴. Через год, с завершением массовой репатриации военнопленных, их осужденных товарищей из системы ГУЛАГа передали в систему ГУПВИ.

30 ноября 1949 г. МВД СССР приняло решение (распоряжение № 759) о содержании осужденных военнопленных в специальных лагерях ГУПВИ. Еще 23 марта 1949 г. был утвержден список из 11 лагерей, расположенных на территории УССР, БССР и РСФСР и рассчитанных на 17300 мест: Ворошиловградский № 144, Днепропетровский № 460, Ивановский № 48, Киевский № 2, Новгородский № 270, Ростовский № 182, Свердловский № 476, Сталинградский № 362, Сталинский № 280, Хабаровский № 16 и лагерь № 11 в Белорусской ССР. Правда, лагеря № 11, 270 и 460 были расформированы уже ко второй половине 1951 г. Девять из названных лагерей предназначались для содержания осужденных военнослужащих европейских армий, два – для осужденных японцев. Незначительная часть осужденных иностранцев содержалась в лагерях ГУЛАГа и тюрьмах МГБ, а также спецобъектах МВД № 14 и № 5 (г. Москва)⁵.

Архивные документы свидетельствуют, что самым крупным из существовавших на территории СССР спецлагерей для осужденных военнопленных и интернированных был развернутый на территории Свердловской области лагерь № 476 МВД СССР. По имеющимся данным, каждый четвертый военнопленный и интернированный, осужденный в СССР, отбывал свое наказание именно здесь⁶. Поэтому обращение к истории лагеря № 476 вряд ли оправданно рассматривать исключительно как вклад в разработку региональной проблематики; судьбы его узников были типичны для всех иностранных военнопленных в СССР в 1949–1956 гг.

Советское руководство считало неприемлемым распространять на осужденных вражеских военнослужащих какие-либо юридические гарантии и рассматривало их исключительно как уголовных и военных преступников, в отношении которых преимущества военного плена уже не действуют. Правда, как совершенно справедливо отмечает в своем исследовании В.Б.Конасов, документа, который бы узаконил правовой статус осужденных иностранных подданных, на уровне Совета Министров СССР, – а это входило в его компетенцию, – принято так и не было⁷.

Проект такого правительственного постановления о статусе осужденных иностранных военнопленных существовал и дважды выносился на повестку дня – в конце декабря 1950 г. и в июне 1952 г., – но И.В.Сталин не посчитал необходимым его утвердить. Это, однако, не помешало руководству МВД ужесточить режим содержания своих подопечных. Источники свидетельствуют, что для всех заключенных спецлагерей была установлена, независимо от их бывших званий, единая норма питания, принятая для рядового и унтер-офицерского состава (кроме нетрудоспособных и больных, для которых сохранялись повышенные нормы довольствия). По такому же принципу осуществлялось обеспечение вещевым довольствием. Все трудоспособные, независимо от бывших званий, привлекались к труду и использовались на самых тяжелых, главным образом строительных работах. Для всех устанавливалась единая норма выработки как для вольнонаемных рабочих соответствующих отраслей. При этом оплата труда осужденных военнопленных была ниже тарифных ставок вольнонаемных рабочих в среднем на 35 %, которые шли в доход государству. Из оставшихся 65 % заработка вычиталась стоимость содержания в лагере; на руки выдавалось не более 250 руб., остальные деньги – при их наличии – также шли в доход государства. Требовалось также исключить любые контакты осужденных военнопленных с советскими гражданами и пресекать их контакты с лагерной администрацией⁸.

20 ноября 1950 г. начальник ГУПВИ МВД СССР А.З.Кобулов подписал директиву с требованием к своим подчиненным повысить «большевистскую и чекистскую бдительность», установив в лагерях для осужденных иностранцев строгий режим содержания и охраны, усилив агентурно-оперативную работу в целях пресечения враждебных выступлений и подрывных актов на производстве. Военнопленных и интернированных, повторно осужденных за саботаж и прочие деяния, а также

нарушителей лагерной дисциплины и лиц, склонных к побегу, переводить в штрафное отделение лагеря № 476 (отделение № 5 в пос. Дегтярка). Спустя неделю, оперативные отделы получили «Ориентировку об активных враждебных проявлениях в лагерях для осужденных военных преступников». К их числу были отнесены: отказ от работы, призыв к коллективной забастовке, попытка выйти на связь с иностранными посольствами, избиение лагерных агентов и осведомителей и т.п.⁹

«Враждебные проявления» в лагерях для осужденных военнопленных действительно не были редкостью. В октябре 1952 г. в лагере № 476 заключенный Бауэр распространял «клеветнические измышления по адресу руководителей Советского государства, стран народной демократии и новой демократической Германии, одновременно восхваляя фашистско-геббельсовскую литературу, в частности, книгу, «Моя борьба»¹⁰.

В этом же 1952 г. в одном из свердловских отделений лагеря военнопленный Пицона «сколотил» небольшую группу единомышленников и провел тщательную подготовку к побегу. Было заготовлено несколько килограммов сухарей, куплены часы, карта СССР. Бежать собирались либо из лагеря, отодрав доску в заборе и воспользовавшись плохой погодой, либо с места работы, где устроили под одним из ограждений подкоп. Чтобы парализовать видимость часовых, стоявших на вышках по периметру лагерной зоны, Пицона специально сделал рогатку, из которой намеревался разбить лампочку, чтобы место предполагаемого побега стало не просматриваемым. Все участники предполагаемого побега были арестованы и отправлены на 10–20 суток в лагерьный карцер¹¹.

29 января 1953 г. бывший офицер войск СС Э.Вернер при закрытии нарядов на рабочем месте пытался обмануть советского мастера путем приписки большего объема работ, чем сделано фактически. Будучи уличен мастером, Вернер стал угрожать ему и заявил: «Я был фашистом и останусь фашистом, а вы, когда придет время, получите по заслугам» (7 суток строгого ареста с содержанием в карцере)¹².

17 марта 1953 г. осужденный военнопленный К.Себор отказался работать. На предложение бригадира из числа военнопленных приступить к работе, Себор ответил оскорблениями и нанес ему несколько ударов по голове (7 суток строгого ареста с содержанием в карцере)¹³.

В марте 1955 г. в отделении № 6 был вскрыт факт подготовки к побегу из лагеря осужденным военнопленным Э.Жохом. Агентурным

путем было установлено, что для осуществления своего намерения Кох пытался попасть в бригаду грузчиков лагеря, которая время от времени выезжала в г. Асбест – на хлебозавод, заготовительные склады и т.д., – с тем, чтобы совершить побег с одного из этих объектов¹⁴.

Как правило, нарушители лагерной и производственной дисциплины, а также пытавшиеся бежать наказывались водворением в карцер или лишением права переписки с родственниками. «Грубо нарушавшие» режим изолировались от основной массы военнопленных и сводились в так называемые режимные бригады. Военнопленные, на которых названные выше меры действия не возымели, переводились на тюремный режим содержания сроком на один год. По имеющимся данным, за 1953 г. в карцере лагеря № 476 успели побывать 569 чел., были лишены права переписки – 22 чел., изолированы от остальных заключенных в особом помещении лагерного отделения № 5 – 24 чел., переведены на тюремный режим содержания – 33 чел.¹⁵

Вообще нужно отметить, что с переводом военнопленных в категорию военных преступников хлопот у лагерной администрации, а особенно – у оперативников, заметно прибавилось. В силу того, что контингент лагеря № 476 был в высшей степени «социально опасным», от «компетентных органов» постоянно требовалось отслеживать и направлять в нужное русло настроения осужденных военнопленных. В этой связи сеть внутрилагерных осведомителей постоянно расширялась, тем более, что, идя на сотрудничество с советскими органами, узники лагеря № 476 надеялись на льготную репатриацию. Наверное, самым большим успехом в работе оперативного отдела лагеря № 476 стала вербовка одного из бывших немецких генералов. Об этом начальник УПВИ А.З.Кобулов посчитал важным доложить в конце декабря 1951 г. заместителю министра внутренних дел СССР И.А.Серову: «В целях внедрения агента в группу генералов была начата работа с бывшим генерал-лейтенантом К. Для его вербовки был применен метод постепенного втягивания без немедленного требования обязательств в сотрудничестве. В результате проведения с К. ряда бесед и оказания ему некоторых знаков внимания среди окружающих, генерал стал представлять письменные сообщения о политических настроениях осужденных, а затем пошел и на оформление вербовки, избрав себе псевдоним «Лейман». В настоящее время он добросовестно выполняет задания оперотдела по разработке бывших генералов и старших офицеров»¹⁶.

Специфика содержавшегося в лагере № 476 контингента заставляла уделять особое внимание профилактике побегов военных преступников. Для предупреждения этого явления был пущен в ход достаточно простой и эффективный механизм. Агентурным путем среди военнопленных выявлялись и ставились на «особый» учет осужденные с «побеговыми настроениями» с последующей изоляцией, если это было необходимо, от общей массы заключенных. Так, в целях «усиления охраны и режима из числа осужденных военных преступников лагеря № 476 как склонных к побегу» по состоянию на 15 марта 1953 г. на учет были взяты 161 чел., из них: в лагерном отделении № 1 – 4 чел., № 2 – 32 чел., № 3 – 24 чел., № 4 – 14 чел., № 5 – 44 чел., № 6 – 33 чел., № 7 – 4 чел., № 8 – 6 чел.¹⁷ В итоге число побегов из лагеря № 476 было сведено к минимуму. Если же кому-то из осужденных военнопленных все-таки удавалось бежать, то это рассматривалось как чрезвычайное происшествие. Одно из таких происшествий случилось 17 марта 1953 г., когда с рабочего объекта «ТЭЦ» (отделение № 3, г. Превоуральск) из-под охраны солдат гарнизона 105 отдельного дивизиона конвойных войск бежал переводчик русского языка бывшей германской армии К.Гаупт. По территории строительной площадки под землей проходила труба диаметром 110 сантиметров. Спустившись в один из пяти смотровых колодцев, расположенных в зоне строительных работ, Гаупт прошел по этой самой трубе 610 метров и вышел через смотровой колодец вне зоны. Направившись к автобусной остановке, Гаупт решил поехать в г. Свердловск, но был задержан гражданином Ковиным, знавшим беглеца в лицо по работе на строительстве ТЭЦ. Суд Военного Трибунала войск МВД Уральского округа приговорил Гаупта за побег к 25 годам ИТЛ, признав его виновным в преступлении, предусмотренном ст. 58–14 УК РСФСР. Работники «ответственных органов», не сумевшие распознать в Гаупте потенциально беглеца, были строго наказаны¹⁸.

Нельзя не отметить, что предпринятые МВД СССР меры по ужесточению режима в лагерях для осужденных военных преступников в целом не выходили за рамки обычной практики советских пенитенциарных учреждений, а по целому ряду пунктов условия содержания и труда осужденных военнопленных выгодно отличались от ГУЛАГовских порядков. К примеру, подопечные УПВИ МВД имели право жаловаться как устно, так и письменно по вопросам, связанным с их трудоустройством.

ванием и содержанием. Как явствует из архивных документов, право это осужденные военнопленные и интернированные действительно использовали. Жаловались в основном на неполучение почтовых отправок, плохое качество медицинской помощи, тяжелые условия труда и т.д. Правда, лишь немногие из жалоб военных преступников оказались после их рассмотрения удовлетворенными. Приведем следующий пример.

15 марта 1955 г. в Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР поступила жалоба от румынского военнопленного К.Скурту, содержащегося в отделении № 6 лагеря № 476. К.Скурту жаловался на то, что «в лагерном отделении № 6 лагеря № 476 попираются все человеческие права», что в течение 10 лет он работал без отдыха, без отпуска, без выходных. За эти 10 лет он несколько раз болел и медицинской помощи не получал. В текущем году отсидел в зимнее время 22 дня в карцере голодный и раздетый на цементном полу. Кроме того, Скурту жаловался на невыдачу посылок и отсутствие газет на румынском языке¹⁹.

В официальном ответе на жалобу К. Скурту лагерная администрация признала, что в лагере № 476 действительно отсутствует литература на румынском языке, поскольку приобрести ее в Румынии нет возможности за отсутствием валюты у Управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР. По всем же остальным пунктам жалоба Скурту была названа «необъективной». Было установлено, что в период с 22 марта по 5 апреля 1954 г. он находился в лазарете лагерного отделения, где ему была сделана хирургическая операция. После операции в «хорошем состоянии» Скурту был переведен в оздоровительную команду и в дальнейшем за медицинской помощью больше не обращался. Поэтому все его претензии по поводу не оказания медицинской помощи никакой почвы под собой не имеют. Проверка карцера лагерного отделения № 6 показала, что карцерное помещение «вполне отвечает режимным требованиям. Данные о том, Скурту был раздет, не подтвердились. Окна в камерах в тот период были все целые и температура была естественно-нормальной – 13–14 градусов. Ввиду того, что отопительный сезон к маю месяцу уже был закончен, содержащимся в карцере на весь срок ареста выдавалась теплая верхняя одежда. Случаев самоубийств в карцере или попыток к нему со стороны осужденных военнопленных не было». Поэтому заяв-

ление Скурту о том, что «сажая людей в карцер, начальник лагеря и оперуполномоченный толкают их на самоубийство», действительности не соответствует. Все посылки, приходящие в адрес Скурту, он получал сразу; после перевода на тюремный режим – за избиение бригадира Костана 5 мая 1954 г. – все шесть посылок, поступившие в адрес Скурту, были переадресованы из лагеря № 476 по месту содержания Скурту в тюрьму № 3 УМВД Ростовской области²⁰. На основании вышеизложенного жалобу К.Скурту было решено оставить без внимания, а приведенные в ней факты считать не подтвердившимися.

Помимо права подавать жалобы, осужденные военнопленные имели право на переписку с родственниками. И не будет преувеличением сказать, что оно оказалось самым востребованным среди предоставленных осужденным военнопленным прав, если не считать права на сохранение жизни и здоровья. Следует, однако, отметить, что в период с 23 ноября 1949 г. по середину октября 1950 г. в соответствии с распоряжением заместителя министра внутренних дел СССР А.И.Серова за № 730 действовал временный запрет на переписку военных преступников. Просуществовав почти год, он был отменен 14 октября 1950 г. распоряжением министра внутренних дел СССР С.Н.Круглова за № 831. Правда, распоряжение это не касалось осужденных военнопленных Японии и Италии, – им право на почтовые отправления было предоставлено позже – соответственно с 29 июля 1951 г. и 10 марта 1952 г.

Есть сведения, что за июль 1955 г. осужденными военнопленными и интернированными лагеря № 476 было отправлено на родину 1413 писем, из них: в ФРГ – 1030, ГДР – 303, Австрию – 18, Румынию – 10, Венгрию – 49, Чехословакию – 2, Югославию – 1. За это же время в лагерь поступило корреспонденции в количестве 1183 письма: из ФРГ – 938, ГДР – 209, Австрии – 20, Румынии – 3, Венгрии – 12, Югославии – 1²¹. Таким образом, из 7048 военных преступников лагеря № 476 в июле 1955 г. отправил письмо на родину каждый пятый и каждый шестой получил весточку из дома.

Из архивных материалов явствует, что, несмотря на унификацию норм обеспечения, ужесточение режима содержания и использование так называемых военных преступников лагеря № 476 на тяжелых физических работах, условия их жизни были более, чем сносными. Многие бывшие военнопленные помнили о том, что еще недавно, в военные и послевоенные годы, главной проблемой была проблема выживания, те-

перь же она утратила свою актуальность. К 1949 г. в СССР закончилось восстановление народного хозяйства, разрушенного войной. В 1950 г. национальный доход и валовой общественный продукт превысили достигнутые в 1940 г. показатели в 1,6 раза. В первой половине 1950-х гг. подъем экономики Страны Советов продолжался. Все это явилось главным условием для повышения жизненного уровня советских граждан и не могло не отразиться на материально-бытовом положении продолжавших оставаться в СССР иностранных военнопленных. Вероятно, источники рассказывают об этой стороне пребывания осужденных военнопленных столь скупо как раз потому, что особых трудностей в обеспечении своих подопечных всем необходимым администрация лагеря № 476 практически не испытывала.

Узники лагеря № 476 внимательно следили за тем, как постепенно преобразуется послевоенный Урал, с интересом смотрели фильмы о жизни советских людей. Для их показа в лагере имелось 5 передвижных киноустановок и за второе полугодие 1953 г. было организовано 113 киносеансов. Постоянно в лагерь приходили газеты на немецком языке. Кроме того, в каждом лагерном отделении были созданы газетные витрины и фотовыставки, материалы которых монтировались из немецких журналов. Со второй половины 1954 г. в лагерь стали поступать газеты на румынском и венгерском языках. В каждую зону доставлялась также газета «Известия». В 1955 г. узникам лагеря № 476 было разрешено за собственный счет оформлять индивидуальную подписку на периодическую печать. Правда, при этом имелись в виду газеты и журналы, издаваемые исключительно в «странах народной демократии»²². По данным на конец 1953 – начало 1954 г. в восьми отделениях лагеря № 476 работало 29 радиоузлов и радиоточек, 2 клуба, 4 клуба-столовых, 15 культуртолков, 6 библиотек с книжным фондом в 8931 экземпляров и числом читателей 2316 чел. В лагере регулярно работало 15 кружков самодеятельности – хоровых, драматических, музыкальных и пр., – силами которых во второй половине 1953 г. было организовано 102 спектакля, концерта, вечера. Постоянно проводились спортивные мероприятия. Многие заключенные лагеря № 476 в летнее время играли в футбол и гандбол, а зимой – в шахматы²³.

Случалось, свое свободное время военнопленные проводили и другим способом. В одном из приказов по лагерю № 476 отмечалось: «С некоторых пор установилась нездоровая практика, когда устраиваются

внутри зоны «вечеринки с вином», «товарищеские вечера», на которых военнопленные распивают спиртные напитки, а однажды в этом принимали участие даже представители хозоргана»²⁴. В этом и ему подобных случаях виновные в «непозволительных связях» с военными преступниками строго наказывались и даже увольнялись из органов МВД.

Не следует, однако, думать, что в годы своего пребывания на Среднем Урале так называемые военные преступники жили как на курорте. Само по себе пребывание в неволе исключало такую возможность. И вряд ли будет преувеличением сказать, что главным и единственным желанием узников лагеря № 476 было желание как можно скорее вернуться домой. Массовая репатриация осужденных военнопленных началась в 1955 и продолжилась в 1956 гг., несмотря на то, что в массе своей они были приговорены к 25-летнему заключению.

При организации репатриации иностранных военнопленных «компетентные органы» брали практически с каждого расписку в том, что у него нет никаких претензий к Советскому Союзу. Более того, в ненавязчивой форме бывшим узникам лагеря № 476 предлагалось оставить «написанные собственноручно» отзывы об СССР. Как правило, вечерашние военнопленные при этом высказывались о своем долголетнем пребывании в Стране Советов положительно. Многие хорошо знали по собственному горькому опыту, как дорого может обойтись любое «антисоветское высказывание», и теперь, когда надежда вернуться домой была столь близкой к осуществлению, просто не хотели рисковать.

Среди наиболее типичных приведем собственноручное заявление майора бывшей германской армии Б. фон Арнсдорфа, 1918 года рождения, осужденного Военным Трибуналом войск МВД Сталинградской области на 25 лет ИТЛ по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г.: «Я, бывший осужденный военнопленный Бодо фон Арнсдорф, позволю себе сегодня выразить Правительству Советского Союза мою благодарность как за мое досрочное освобождение, так и за то человеческое отношение, которое было проявлено ко мне и моим товарищам. В противоположность тому, чего я ожидал, и, несмотря на наложенное на нас наказание, с нами, военнослужащими бывшего немецкого вермахта, постоянно обращались как с людьми. Свою благодарность я хочу скрепить обещанием, что по прибытии на родину отдам все силы за дело мира и дружбы между народами»²⁵.

Примерно также о своем пребывании в советском плену отзывался подполковник бывшей германской армии Адольф фон Палена, 1900 года рождения, осужденный Военным Трибуналом войск МВД Московской области в середине декабря 1949 г. на 25 лет ИТЛ по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г.: «Оставляя Советский Союз, я заявляю, что за все 11 лет моего пребывания здесь со мною всегда обращались самым корректным образом. Я приветствую соглашение, достигнутое в сентябре месяце текущего года между государственными деятелями Советского Союза и ФРГ и выражаю надежду, что эти соглашения приведут не просто к нормальным, а к дружественным экономическим, культурным и политическим взаимоотношениям»²⁶.

Другой бывший подполковник немецкой армии Г.Брокш, 1906 года рождения, также осужденный к 25 годам ИТЛ, в своем заявлении, помимо отказа от каких-либо претензий по его содержанию в советском плену, писал: «Для мира во всем мире было бы очень важно, если бы оба немецких государства пришли к совместным переговорам по поводу объединения Германии и создали бы мирную демократическую Германию»²⁷.

Сын фельдмаршала Клейста, капитан бывшей германской армии Э.Клейст, 1917 года рождения, осужденный в советском плену по ст. 58–8 УК РСФСР на 10 лет заключения, покидая лагерь № 476, заявил: «Обращение со мной как с туберкулезно больным во время моего пребывания в госпиталях для военнопленных было вполне корректным; для восстановления моего здоровья делалось все. В госпитале при лагере в г. Шахты мне была сделана операция легких специалистом-хирургом, прибывшим из Москвы. Надо признать, что медицинский персонал в эти годы делал для больных все, что только было возможно»²⁸.

Из отзыва о пребывании в СССР капитана медслужбы бывшей германской армии П.Боргардта, 1913 года рождения, осужденного Военным Трибуналом войск МВД Татарской АССР на 25 лет ИТЛ по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г.: «После почти 13-летнего пребывания здесь я оставляю вашу страну. Я имел счастье работать по специальности как врач... Ваши работники, с которыми я сталкивался, всегда старались отдать все свои знания и силы для улучшения лечения моих заболевших товарищей. Это было полезно не только вам, но и дало мне много полезного и нового... Я предаю забвению тяжелое время плена. Каких-либо претензий у меня к вам не имеется. Пред лицом великих и

благородных задач, стоящих перед медицинской наукой на благо народов, я усматриваю свою цель в служении этому делу. Я оставляю вашу страну не с чувством ненависти, а с чувством дружбы»²⁹.

Примечательно, что, помимо казенных фраз благодарности советскому правительству, в написанных бывшими вражескими солдатами отзывах сохранились скупые впечатления о г. Свердловске и его жителях. Оставляя отделение № 1 лагеря № 476, бывший фельдфебель немецкой армии Г.Бураш, 1924 года рождения, осужденный как военный преступник на 25 лет ИТЛ, писал: «2 октября 1955 г. я ездил с моими товарищами в г. Свердловск, чтобы осмотреть как сам город, так и его достопримечательности. Повсюду я видел огромные строительные объекты будущих жилых домов. Колоссальное впечатление на меня произвело отношение к нам русского населения. Никаких признаков ненависти. Наоборот, девушки и парни, женщины и старики и даже инвалиды войны обнимали и целовали нас со слезами на глазах. Нет сомнения, что эти порывы исходили от самого чистого сердца русских людей. Мы ответили на русском языке, что приложим все усилия к тому, чтобы сохранить мир между народами. В ресторане девушки даже танцевали с нами, а оркестр играл специально для нас немецкие мелодии. Нас приглашали пить пиво, что нам показалось просто непостижимым. За все 15 лет (плена – С.Н.) я ничего подобного не испытывал. По приезде домой я расскажу своим землякам, что русский народ не желает войны, а хочет жить в мире со всеми народами. Этого требует моя совесть, и я вижу в этом свой наивысший долг»³⁰.

Как представляется, при всей их изначальной заданности в отзывах вчерашних узников лагеря № 476 при более детальном рассмотрении нельзя не увидеть и некоторые замечания и оценки, в искренности которых усомниться трудно. Вряд ли все бывшие военнопленные стали бы в один голос заявлять о том, что условия их содержания и медицинского обслуживания в лагере № 476 были вполне приемлемыми, если бы дело обстояло совсем наоборот. Не лишены смысла и отзывы вчерашних военных преступников о советских людях, которые позволяют говорить о добрых чувствах военнопленных по отношению к местному населению. Справедливости ради следует, однако, отметить, что не все узники лагеря № 476 оставляли его с такими чувствами. Открыто говорить об этом военнопленным не приходилось, но сквозь строчки некоторых заявлений, оставленных ими при отъезде на родину, явно

просматривались тяжелые впечатления о пребывании в советских лагерях. В числе подобных отзывов об СССР – заявление бывшего майора войск СС, личного камердинера Гитлера Г. Линге, 1913 года рождения, приговоренного в мае 1950 г. к 25 годам ИТЛ. Заявление это содержит всего несколько сухих фраз, которые, на наш взгляд, недвусмысленно говорят о том, что годы плена не оставили у Линге сколько-нибудь теплых воспоминаний: «Господину майору Бобкову. Я не имею никаких жалоб и претензий против лагерного руководства и Управления лагеря. Со мной обращались корректно за время (моего пребывания в лагере – С.Н.) с 1950 г. по 1955 г.»³¹.

С окончанием репатриации в лагере № 476 осталось 65 иностранных граждан, исключенных из списков репатрируемых. Среди них – 36 румын, 11 немцев, 4 бельгийца, а также подданные Венгрии, Голландии, Дании, Польши и Люксембурга. Их отправка на родину была отложена «до особого распоряжения». Правда, остается неясным, что кроется за этим выражением. Возможно, будучи сотрудниками разведки и тайной полиции эти лица представляли особый интерес для «компетентных органов», и как сложилась их дальнейшая судьба, не известно. В середине февраля 1956 г. лагерь № 476 МВД СССР для военных преступников был расформирован. И история пребывания на Среднем Урале военнопленных Второй мировой войны, равно как и военных преступников, на этом завершилась³².

Примечания

- 1 Грабарь А.С. Первый том сборника документов «Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР» // Проблемы военного плена: история и современность. Мат-лы Междунар. научно-практич. конф. Вологда, 1996. Ч.2. С.169.
- 2 Военнопленные в СССР. 1939–1956. Док. и мат-лы / Под ред. М.М.Загоруйко. М., 2000. С.739.
- 3 Там же. С.740.
- 4 РГВА. Ф.1п. Оп.12и. Д.1. Л.18, 84; Оп.1т. Д.5. Л.2, 42.
- 5 О размещении, численности и составе заключенных лагеря № 476, а также об их трудоустройстве и репатриации см. подробнее: Суржикова Н.В. Военные преступники на Среднем Урале в 1949–1956 гг. // Проблемы военного плена: история и современность. Мат-лы Междунар. научно-практич. конф. Вологда, 1997. С.234–236; Она же. Осужденные военнопленные на Среднем Урале (1949–1956 гг.) // Урал индустриальный. Мат-лы третьей региональной науч. конф. Екатеринбург, 1999. С.84–89; Она

же. Военные преступники // Энциклопедия Екатеринбурга. Екатеринбург, 2002. С.117–118.

- 6 Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект. М., 1998. С.66.
- 7 РГВА. Ф.1п. Оп.34а. Д.9. Л.17–19.
- 8 Конасов В.Б. Судебное преследование... С.63, 64.
- 9 Пушкарев Г. «С нами бог» // Подробности. 1998. 27 марта.
- 10 Там же.
- 11 РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.21–22.
- 12 Там же.
- 13 Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.71. Л.80.
- 14 РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.71.
- 15 Конасов В.Б. Судебное преследование... С.65.
- 16 Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.71. Л.80.
- 17 РГВА. Ф.1п. Оп.1т. Д.17. Л.23.
- 18 РГВА. Ф.1п. Оп.6т. Д.39. Л.344–345.
- 19 Там же.
- 20 Архив УФСБ РФ по СО. Ф.9. Оп.1. Д.71. Л.113.
- 21 РГВА. Ф.1п. Оп.4т. Д.49. Л.8, 9, 27, 49.
- 22 Там же.
- 23 Пушкарев Г. Указ.соч.
- 24 РГВА. Ф.1п. Оп.31а. Д.1. Л.33.
- 25 Там же. Л.47.
- 26 Там же. Л.6.
- 27 Там же. Л.88.
- 28 Там же. Л.16.
- 29 Там же. Л.55.
- 30 Там же. Л.111.
- 31 Отдел спецфондов ИЦ ГУВД СО. Ф.56. Оп.1. Д.31. Л.178.

*Сушков А.В.
(Нижний Тагил)*

ОБЛАСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВАКСМ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СИСТЕМЫ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Деятельность комитетов комсомола до конца 1980-х гг. осуществлялась под руководством и контролем партийных органов, что было за-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Общественный потенциал истории»